

УДК 316.259(477)

DOI <https://doi.org/10.32840/2707-9147.2020.87.4>

Ю. В. РОМАНЕНКО

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры международных медиакоммуникаций и
коммуникативных технологий,
Институт международных отношений
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

**КУЛЬТУРОПАТИИ И СОЦИОПАТИИ В УКРАИНЕ:
РАЗВИТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
ДЕВИАЦИЙ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМОЛОГИИ (ЧАСТЬ 2)**

Представленная в статье типология девиаций разработана на основе структурного функционализма Т. Парсонса и неофункционалистских теорий Н. Лумана и Ш. Эйзенштадта. Установлено, что в структурном функционализме и неофункционализме при всех различиях их теоретических диспозиций представлен набор концептуальных констант, позволяющих выстраивать теорию девиаций.

Отмечено, что теория девиаций структурно-функционалистского и неофункционалистского типа (кроме теорий, рассмотренных в первой части статьи с аналогичным названием) может быть выстроена с учетом различий процессов сопряженности между культурной, социальной, психической и телесной системами на основе признания аутопоэтической субординированности центрирования, вертикализации, ординализации и овеществления/реифицирования. При этом констатируется, что обозначенные процессы выступают рекурсиями культуры, общества, психики и тела, которые формируют замкнутую коммуникативную среду на основе сквозной (тоталлогичной) комплексности.

В статье проанализированы культуропатии, социопатии, психопатии и морфопатии как генерализованные тффиты девиаций, образующие субординированную цепочку, в которой иерархически высшие звенья и связанные с ними дисфункции (культура и культурные смыслы) влияют на социальную систему и ее институты, создавая предпосылки для различных социопатий. Отмечено, что, социопатии (дисфункции социальной системы) и ее отдельных институциональных кластеров) охватывают значительные социальные группы и формируют социо-этиологические предпосылки для психопатий разнообразного происхождения. Констатируется, что связь социопатий и психопатий в исследовании подлежит обоснованию в дальнейших публикациях. При этом сфокусировано внимание на том, что низким уровнем девиантного поведения являются телесные девиации, «управляемые», в свою очередь, цепочкой надстроенных над ними культуропатий, социопатий и психопатий. Определено, что условный «низ низа» телесных девиаций формируется различными заболеваниями, статистика которых

может соотноситься с нарушениями в системе смыслообразования, институциональностями, психическими отклонениями и разрушительными телесными практиками.

Ключевые слова: *девиации, девиантное поведение, культура, социум, психика, тело, культуропатии, социопатии, психопатии.*

Постановка проблемы. Социология девиаций как отраслевое направление исследований характеризуется дефицитностью интегральных типологий девиантного поведения. Это обусловлено как мультипарадигмальностью и плюрализмом социологических теорий, так и ослабленностью коммуникаций самого социологического сообщества и отсутствием общего понятийного аппарата, имеющегося в естествознании и отсутствующего в человекознании и обществознании.

Другим обстоятельством актуализации темы исследования являются междисциплинарные разграничения предметов ценностного уровня культуры, аксиосферных конструкторов культурных систем, с одной стороны, и социоструктурных и институциональных составляющих общества – с другой. Искусственно созданные демаркации между культурологией, социологией и психологией, навязчивые позитивистские модели формирования предметно-дисциплинарных «гетто» не способствуют пониманию взаимосвязей культуропатий, социопатий и психопатий, а также ряда телесно-физиологических расстройств, формирующихся в средах конкретных культурных и социальных систем.

Заполнение этого пробела представляется важным для социологии культуры, социальных структур и институтов, социологии инкультурации и социализации, этносоциологии.

Анализ последних исследований и публикаций. Представленная в статье типология девиаций разработана на основе структурного функционализма Т. Парсонса и неофункционалистских теорий Н. Лумана и Ш. Эйзенштадта [10, с. 169–203; 11, с. 42–67; 13, с. 261–282]. В структурном функционализме и неофункционализме, при всех различиях их теоретических диспозиций, представлен набор концептуальных констант, позволяющих выстраивать теорию девиаций.

Эта теория девиаций структурно-функционалистского и неофункционалистского типа (кроме теорий, рассмотренных в первой части статьи с аналогичным названием) может быть выстроена с учетом различий процессов сопряженности между культурной, социальной, психической и телесной системами на основе признания аутопоэтической субординированности центрирования, вертикализации, ординализования и овеществления/реифицирования. Обозначенные процессы выступают рекурсиями культуры, общества, психики и тела, которые формируют замкнутую коммуникативную среду на основе сквозной (тоталлогичной) комплексности.

Парсонс ведет речь о культурной системе как «структурирующей в терминах смысловых упорядочений (patterning of meaning),

которые в случае обретения ими устойчивости предполагают, в свою очередь, генерализованные комплексы конститутивных символов, дающие системе действия ее первичное «чувство направленности» и подлежащие рассмотрению в качестве не зависящих от какой бы то ни было частной системы социального взаимодействия. Таким образом, хотя здесь много ответвлений, ведущих в такие области, как язык и коммуникация, прототипическими культурными системами служат системы представлений и идей. Возможности их сохранения во времени и проникновения из одной личности и/или социальной системы в другую являются, пожалуй, самыми важными критериями независимой структуры культурных систем».

Развивая эту идею, стоит уточнить, что направленность не является каким-либо «чувством» как оценочной характеристикой, поскольку «комплексы конститутивных символов», которые автор предпочтет обозначить как системы ценностных референций, аксиосферы, либо просто системы ценностного сознания, не являются ни аффективно-оценочными, ни рационально-перцептуальными (идеи и представления) конструктами. Ценностное сознание предполагает идеационную составляющую.

Как замечает по этому поводу Н. Луман, «теория комплексности требует рекурсивных операций, то есть ретроспективных и предвосхищающих обращений к соответствующим другим, не актуальным операциям в самой системе. Поэтому уже недостаточно изображать развитие системы в виде древа решений или каскада, но рекурсия сама становится формой, в которой система делает возможным проведение границ и образование структур» [8, с. 147].

Вообще структурно-функциональная сопряженность смыслов, структур (институтов, норм, социальных иерархий), психических и телесных систем индивидов выступает не просто предпосылкой рекурсии, но и завершенной модернизации, описанных в теории множественных модерностей, или множественных модернизаций Ш. Эйзенштадта¹. Автор неслучайно выводит концепты «модерн»,

¹ Эйзенштадт, характеризуя общества с неудавшейся модернизацией, пишет о том, что «они оказались втянутыми в общие и единые институциональные рамки политического процесса и принятия политических решений. Но при этом адекватные механизмы и принципы агрегирования интересов или регулирования конфликтов в этих рамках отсутствовали. Другими словами, новые ценностные ориентиры, воплощения которых желали многие граждане этих обществ, требовали относительно высокого уровня согласованности действий индивидов. Вместе с тем, подходящая для этого конфигурация власти, связывающая отдельных граждан с новыми, более артикулированными требованиями и действиями, так и не была выстроена. В подобных условиях на крушение были бы обречены не только молодые, но и более прочные и устоявшиеся системы» [10, с. 42–67].

Сказанное вполне логично описывает несостоявшуюся/неудавшуюся модернизацию как разрыв сопряженности между: а) новыми ценностными ориентирами, которые являются идеологическим блоком культуры; б) конфигурацией власти, которая должна была бы (в случае удавшейся модернизации) реконфигурировать самое себя и сконструировать «адекватные механизмы и принципы агрегирования интересов и регулирования конфликтов» [10, с. 42–67].

«модернизация», «модерный» за пределы культурной системы западноевропейского типа.

Он ведет речь о дифференцированных проектах модернизации (китайской, исламско-фундаменталистской, евро-азиатской и проч.), что означает специфическую для любого общества архитектуру сопряжения культурного центрирования, социального вертикалирования, психического ординалирования и телесного овещствления. Воссоединение в сопряженности структурно-функциональных рекурсий культуры, общества, психики и тела представляет собой завершённый современный проект (завершённую модернизацию) любого общества.

Дальнейшее развитие теории Эйзенштадта в рамках предложенной в данной статье концепции даёт возможность прийти к выводу о том, что все формы разрыва сопряженностей, которые предполагают гетеропоэзис со включением во внутренние коммуникации системы чужеродных смыслов, институциональных кластеров либо институтов, норм или социальных иерархий, влекут за собой цепочку аномий (культуропатий, социопатий, психопатий и морфопатий) с проистекающими из него нарушениями того, что на латыни обозначается словом «путь». В этимологии латинского слова «viage» один из переводов связан с глаголом «упреждать», «совершать нечто с опережением».

Таким образом, общество, которое идет своим путем, движется с опережением, а подобное движение, которое можно было бы обозначить как «движение с опережением/упреждением», означает движение в векторе имманентной модернизации. «Виантность» как сопряженность в пути смыслов культуры, социальных институтов, норм и стратификационных иерархий, психического и телесного гомеостаза противоположна «девиантности». Собственно, такой теоретический посыл даёт возможность вести речь о «своем времени» и «свое-временности» модернизации в различных культурных и социальных системах, рассматривая любые версии интродуцированной (привнесённой) модернизации как девиации.

Впрочем Эйзенштадт избыточно политизирует или явно преувеличивает роль политической власти в выстраивании ценностного консенсуса и конструирующе-конституирующих потенциалов относительно структур аксиосферы. Политическая власть, которая в большинстве случаев (если не принимать во внимание теократические социумы, где имеет место слияние религии-права-политики) представляет инструментально-технологическую подсистему социума, может быть лишь частично компетентной в вопросах инкультурации и формирования консенсусных референций.

Если политическая власть и способна принимать участие во вторичных инкультурационных процессах, то ровно настолько, насколько первичная инкультурационная работа проделана высшими элита-формирующими акторами – священством и высшей интеллигенцией. Предназначением обозначенных социальных групп является построение живых институтов. Перефразируя М. Ганди, они сами являются живыми институтами, которые желают построить, т.е. воплощают собой аксиостазисы. Высказываясь более определенно, ценностная дефектность элиты с сопряженными социопатиями ведет подавляющее большинство к психическим и организмическим расстройством, которые отражают рекурсивную логику в функционировании системы как тотальности.

Помимо трех обозначенных авторов, представленная в статье теоретическая модель девиаций опирается также на теорию культурной памяти Я. Ассмана, теорию органической солидарности Э. Дюркгейма, теорию габитуализации классового бессознательного в постструктурализме П. Бурдьё, культуроцентрическую девиантологию Я. Гилинского, социологический неюнгянский диспозиционизм Е. Донченко, теорию девиации Р. Мертона [1–5; 9].

Цель статьи. Целью исследования во второй части статьи является построение описательно-аналитической схемы девиаций в регистре «социума в культуре», «психики в культуре», «тела в культуре» и социопатии, являющихся девиациями уровня социума, с регистрами «культуры в социуме», «социума в социуме», «психики в социуме» и «тела в социуме».

Изложение основного материала. *К культуропатиям мировоззрения* относится культурная дисконтинуация/инфляция (разрушение смыслообразования, обесценивание смыслов за счет культуропатий идентичности).

Культурная дисконтинуация предполагает повышение толерантности к хаотическим и деструктивным процессам в обществе, осознанно-бессознательное создание условий для нарушения социального гомеостаза и возникновения ситуаций дефицитов, деприваций, сбоя в функционировании социальных институтов, роста бедности, преступности и проч.

Примерами политических решений, развивающих культурную дисконтинуацию, могут быть образовательная и медицинская «реформы» в Украине, нацеленные, фактически, на разрушение остатков системы охраны здоровья, экспорт человеческого капитала, закрытие высших учебных заведений, сокращение количества школ и повышение стоимости контрактного обучения, «реформа» вооруженных сил, состоящая в ухудшении реальных условий службы и в возврате к криминально-неуставным отношениям, принятие закона о рынке земли с целью увеличения внешней зависимости и колониального управления и проч.

Элементами «социума в культуре» выступают:

а) направленность (как прообраз-изоморф социальной системы) (определение конфигурации общих векторов движения (духовного, психического, социального, физического и др.) в рамках онтологической карты мировоззрения);

б) иерархия ценностей (как прообраз-изоморф институциональной иерархии) (определение пространственно-временной последовательности движения в рамках направленности (резервирование и распределение времени и пространства в отношении различных духовно-материальных, социальных и других объектов);

в) статусно-ролевые иерархии (социально-антропологическая стратификация как прообраз всех прочих форм стратификации

и отражение иерархии культурных ценностей в социуме психике и теле).

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию вертикальной интеграции/выравнивания субуровней психики в культуре и тела в культуре по заданным аксиостазисам.

К культуropатиям **«социума в культуре»** относятся:

а) социальная энтропия – утрата/разрушение общих векторов движения (духовного, психического, социального, физического и др.) в рамках онтологической карты-мировоззрения).

Индикаторами социальной энтропии выступают зависимость культурной политики общества от других обществ (внешне ориентированная культурная политика), допущение агентов влияния в культурное и информационное пространство (СМИ), принятие стратегических политических решений с опорой на консалтинг иностранных агентов влияния, механическое копирование и заимствование политических, правовых, экономических, культурно-ценностных стандартов других обществ, ресурсное расточительство, выражающееся в концессиях и приватизациях, неадекватном экологическом законодательстве, допускающем истощение и загрязнение воды, почв, нерациональную утилизацию отходов и проч.;

б) гетерархизация ценностей / дистемпорализация – превращение институциональной иерархии) в рядоположенность; утрата социальными институтами функции резервирования и распределения времени и пространства в отношении различных духовно-материальных, социальных и других сфер их регулирования.

Тут подразумеваются два явления: фрагментированное использование времени и бессмысленная время-затратность. Стоит заметить, что как первое, так и второе могут быть эмпирическими индикаторами как на уровне социальных институтов, так и отдельных микрогрупп (индивидов). Примерами фрагментации времени могут быть импульсивное планирование, применяемое должностными лицами (изменение рабочих графиков/планов с «дня на день», «турборежим» в принятии любых стратегических решений руководителями социальных институтов, хроническая спешка в работе, сочетание авралов и зстоя. Фрагментация времени указывает на отсутствие иерархии ценностей, а значит, на спутанность вторичного целеполагания и первичного по отношению к нему ценностного иерархизирования.

Личности, группы и социальные институты, допускающие фрагментацию времени, любят подменять ценности целями, равно как и иерархии ценностей – иерархиями целей. Вместо иерархий целей (поскольку цели не могут быть иерархизированы в обход иерархизации ценностей) они получают традиционно рядоположенность и хаос;

в) социальная демотизация/ охлотизация – утрата различий между элитными и неэлитными социальными группами. Сама по себе утрата различий происходит под эгалитарными лозунгами, как

например «Украина без холопа и без господина», которые становятся выражением разрушения ценностных иерархий.

Невозможность установить ценностную иерархию означает спутывание стоимости различных групп людей в обществе, что находит свое проявление в незащищенности элит по отношению к разрушительно-враждебным субъектам внешнего окружения.

С другой стороны, речь идет о распространении эгалитарной морали, в которой любые социальные иерархии и неравенства объявляются вне закона. Классическим примером тут может выступать украинское казачество, которое можно считать прототипной средой демотизации и охлотизации. В среде казачества были распространены унизительные ритуалы «интронизирования» гетмана, состоящие, в частности, в его вымазывании навозом перед вступлением в должность. Этим все не ограничивалось, поскольку при любых неудачах сам гетман становился козлом отпущения и подвергался публичному моральному и физическому бичеванию.

Разрушение социальных иерархий выражается, в том числе, в повседневном неуважении к законам и правилам, игнорировании различий между особенностями умственного и физического труда, между городом и селом, представителями разных групп с разной структурой капитала и проч.

Элементами *«психики в культуре»* выступают: а) характер (мета-сценарий редукции психики, которая в статусно-ролевой иерархии идентифицирована с одной или несколькими (чаще несколькими) образами социальных групп)), представляющий собой овеществленные результаты направленного и ненаправленного культурационного-культуризирующего и социализационного-социализирующего воздействия социетальной психики на индивидуальную; эти результаты чаще всего представлены записанным в блоке памяти опытом удовлетворения/фрустрации той или иной активности; б) социальные скрипты (отвечают за интегрирование различных репертуаров действий системы в рамках характерологических диспозиций); в) паттерны целеполагания (нормы) (отвечают за упорядочивание действий на основе контроля результатов (сопоставления сценарно запланированного и фактически достигнутого)).

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию культуроординализации-габитуализации – превращения составляющих «социума в культуре» в диспозиции социального характера как метаскрипта отдельных социальных сценариев и паттернов целеполагания, а также бессознательной «автоматизации» направленности, иерархии ценностей и статусно-ролевых иерархий

К культуропатиям *«психики в культуре»* относятся:

а) *размягчение/деморфизация характера (культуропатическая феминизация и культурная амнезия)* – разновидность культуропатии, состоящая в снижении роли мыслительно-волевых составляющих

характера и зрелых психических защит при включении примитивных защитных механизмов, минимизирующих осознанное отношение как к культуре и обществу, так и к самому себе.

Феминизация может выражаться, в том числе, в доминировании эмоционально-чувственной составляющей психики и повышении уровня авторитетности женщин/женского в гендерной социализации, что соответствует охлотизации и дезлитизации титульного этноса. Для Украины этноспецифической особенностью феминизации становится повышение уровня пластичности, адаптивности, латентности, гибкости характера мужчины, что обеспечивает его носителю индивидуализированное выживание, но является слабо приемлемым для устойчивого формирования группы, включая все характеристики социального капитала группы (доверие, солидарность, иерархизация/лидерство и проч.).

Преобладание у украинских мужчин неустойчивой (пассивно-женственной) психопатии соответствует невысокому уровню социальной морали с сопутствующей криминализацией микрокоммуникационных отношений, включая бытовое жуерство, мошенничество, криминальный гомосексуализм и проч. девиации.

Пассивно-женственная психопатия, с одной стороны, благоприятствует негативной внутриэтнической селекции за счет усиления непродуктивной внутригрупповой конкуренции и лишения элитных групп части их жизненного пространства и необходимых иерархических преимуществ внутри этноса. С другой стороны, такое депотенцирование элитных групп способствует лишению этноса своего представительства, что означает его уход из информационной повестки дня, ослабление возможностей артикуляции собственной идентичности.

Культурная амнезия является результатом потери/стирания части исторической памяти этноса, его неспособности учиться на ошибках собственной истории, связывать друг с другом историческое настоящее, прошлое и будущее, идентифицировать различных субъектов и их интересы, формировать границы собственной группы за счет этнического самосознания, фальсифицировать токсичную информацию в настоящем времени с опорой на опыт прошлого и т.п.²

² Я. Ассман в одной из своих базовых работ [1, с. 20–120] выделяет две базовые формы культурной амнезии: произвольная и направленная (индуцированная).

Непроизвольна я культурная амнезия в Украине перемежается с индуцированной, что сопряжено, с одной стороны, с большим количеством токсичного опыта (перманентных руин и оккупаций), с другой стороны – с постоянным идеологическо-пропагандистским давлением, направленным на изменение фреймов восприятия и интерпретации исторического прошлого. Такие погромные ревизии, сопровождавшиеся как информационным цензурованием, так и физическим уничтожением носителей культурной памяти, создавали устойчивый фоновый страх соприкосновения с реальной историей.

Революционные перевороты, геноциды, уголовная «махновщина», тоталитарные деконструкции и реконструкции социальности, непрерывные «чистки» создали предпосылки для вытеснения значительной части опыта у индивидуальных носителей коллективной психики. Наряду с этим имажинаторность и эмоциональность коллективной

б) *групповая и социетальная дезинтеграция* – нарушения механизмов долговременного связе-формирования внутри как больших, так и малых социальных групп, «эфемеризация» таких связей из-за разрушения составляющих социального капитала – доверия, взаимности, безопасности, коллаборативности, кооперирования усилий и проч.

К микрогрупповой дезинтеграции приводит, в первую очередь, дефицитарность социальной морали, обесценивание непрерывных коммуникаций за счет бытового мошенничества и жулерства. Обозначенные микросоциальные явления, распространяясь в социальных макрогруппах, задают цепочечные эффекты разрушения социальных институтов, обеспечивающих долговременную коммуникацию и перспективное удовлетворение потребностей. Обычная для Украины приватизация публичных институтов объясняется неспособностью больших социальных групп поддерживать системы выдвижения представителей, с одной стороны, и с фактической потерей интереса к ним после реализации выборных/назначительных процедур – с другой;

в) *деординализация* – разрушение структур порядка и/или их превращение в симулякр. Деординализация в социальных практиках сопряжена с обесцениванием норм и всеми разновидностями нигилизма (морального, правового, научного и проч.)

Элементами *«тела в культуре»* выступают: а) эталонный антропотип-этнотип (образ идеального человека в культуре-этнической общности); б) эталоны телесности (образы искусства, моды, массовых коммуникаций, структурирующих телесно-физическое, техническое и пр. сегменты жизненного пространства). Вышеперечисленные элементы выполняют функцию инкорпорации-овеществления культуры в виде эталонного антропотипа, т.е. модели «совершенного», «состоявшегося» человека и его телесных атрибутов [12, с. 66].

К культуropaтиям *«тела в культуре»* относится: *архаизация* (примитивизация, скотомизация) и *кибернетизация* (артефактизация) тела. Два этих полюса представляют, с одной стороны, деградационные тенденции в теле/телесности (жизненном пространстве),

психики не способствовали как точному архивированию исторических событий, так и определенной цепкости/ригидности в их сохранении в памяти.

Культурная амнестичность, в первую очередь, обусловлена запросом и легитимацией уничтожения внутризтнических элит внешнеэтническими окружениями и субъектами. Обозначенной происходит за счет мегаломаниакальной инфляции и использовании воображения/ фантазирования/галлюцинирования, что сопутствует общему дефициту маскулинности у титульного этноса. Аргументативно важным для нашего исследования является как раз связь между маскулинностью и памятьностью, с одной стороны, и феминностью и амнестичностью (гипомнестичностью) – с другой.

Потеря памяти чревата потерей групповой континуальности/непрерывности, а значит, несет угрозу внутригрупповой коммуникации, превращая ее из непрерывной в прерывную. Такое нарушение непрерывности и фрагментирование коммуникаций в мужских когортах этноса (коммуникации в женской демографической подгруппе поддерживаются за счет политических институтов, в первую очередь – матриархального государства) создает предпосылки для внутригрупповой дезинтеграции (см. выше).

использование более примитивных способов удовлетворения телесных потребностей (еда, одежда, гигиенические технологии и проч.). С другой стороны, имеет место тенденция к направленному реконфигурированию тела/телесности, его трансформации с применением компьютерной техники, пластической хирургии, бодибилдинга и др. телесно-конструирующих практик (кибернетизация, артефактизация).

Социопатии уровня социума. Элементом *«культуры в социуме»* является идеология – метасценарий развертывания активности идентичности как культурного метасубъекта через субидентичности как ключевых социальных субъектов, определяющий их пространственно-топологические и темпоральные характеристики. Идеология включает:

а) социотопологию (архитектоника-карта социального пространства с определением его сегментов-ниш);

б) социоонтологию (определение ключевых социальных субъектов, корреспондированных с выделенными сегментами культурного социального, психического и физического пространства);

в) социотемпорологию (определение направлений активности ключевых социальных субъектов и векторов бюджетирования их времени в социуме).

Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социоцентрирования – проектирования и моделирования социума как целого. К социопатиям *«культуры в социуме»* относится социальная дисконтинуация (формирование социальных «черных дыр») – аномия в дюркгеймовско-мертоновском понимании [12, с. 227–231] – внепространственность/безвремяе. Ее эмпирическими проявлениями выступают непродуктивная миграция населения, отрицательная/спадная демографическая динамика (превышение смертности над рождаемостью, рост статистики суицидов как спланированных, так и окказиональных и т.п.).

Элементами *«социума в социуме»* выступают:

а) архитектоника социальной системы как целого (стратегия аутопоэзиса);

б) архитектоника институциональных кластеров (социальных подсистем);

в) стратификация (иерархия социальных групп, выстроенная на основе субординирования с социоонтологией и социотемпорологией) Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социовертикализации – закладки социальной архитектоники и ее «пробацию» в виде социальных (институциональных/неинституциональных) практик.

К социопатиям *«социума в социуме»* относятся:

а) замена аутопоэзиса – гетеропоэзисом, выражается в собирании социальной системы из институтов других социальных систем, непродуктивной рецепции и замене общества-системы обществом-агрегатом;

б) институциональная фрагментация и коррупция (перерождение социальных институтов в группы-корпорации с непродуктивными и паразитическими признаками);

в) расщепление между номинальной и реальной социальной стратификацией, социальная атомизация, групповая тенизация, которая находит свое проявление в несовпадении научно-описательных и фактических признаков социальных групп, названий и статусно-ролевых ниш;

г) социальная мимикрия, которая представляет собою девиацию, связанную с созданием миметических копий автохтонных обитателей той или иной среды. Обычно мимикриенты создают не просто копии, но гиперболизированные и искаженные копии, выделяющиеся симуляционной сверхценностью. В своем пародировании носителей прототипических качеств мимикриенты прибегают к ролевому переигрыванию, что создает впечатление искусственности, фальшивости, театральности и симуляционности их социального поведения.

Элементами *«психики в социуме»* выступают «социетальная психика» [3] (менталитет) как целое, отражающее культуру, социум и психику, которая состоит из духовно-культурных, социетальных и психических диспозиций. Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социальной ординализации и габитуализации – установления социального порядка, его рутинизации (опривычничивания).

К социопатиям «психики в социуме» относятся архетипические инвазии и имагинации (называемые также социопатическими инвазиями). Архетипические инвазии проявляют себя в кризисные периоды развития общества, требующих экстраординарного менеджмента и перенастройки социальных институтов. Акторами-медиумами архетипических инвазий становятся часто харизматические лидеры, возглавляющие праворадикальные партии с мобилизационной направленностью и способные к конструированию тоталитарных политических институтов. Имагинации соответствуют состоянию разотождествления ряда социальных групп с обществом, что создает предрасположенность к галлюцинаторному восприятию социальной реальности и артикуляции дискурса сверхценных идей. Последние находят свое проявление в экзотическом причудливом консьюмеризме, увлечениях мистическими религиями, андерграундном образе жизни, аддиктивном поведении (склонности к экстремальным выходам, риску и т.п.).

Элементами *«тела в социуме»* выступают телесные и поведенческие диспозиции – «габитус» (П. Бурдьё) [2, с. 80–112], в авторской терминологии – «нормативный социотип» (продукт инкорпорации менталитета больших социальных групп в психике и теле). Вышеперечисленные элементы выполняют функцию социальной инкорпорации – осознанного/бессознательного имплементирования

социального порядка в социетальную и индивидуальную психику. К социопатиям «тела в социуме» относятся нарушения процесса социализации (гипосоциализация/десоциализация). Содержательно эта девиация проявляет себя в ослаблении взаимосвязи между телесным поведением (жестами, таксикой, мимикой, пантомимикой, стилизацией одежды, пищевым поведением и проч.) и социально-групповой идентичностью/принадлежностью индивида. Примеры гипосоциализации могут быть связаны с ношением одежды, несоответствующей уровню статусности/престижности группы, посещение мест общественного питания (ресторанов, кафе и проч.), ассортимент и цены в которых не соответствуют уровню достатка группы и проч.

Выводы. Культуропатии, социопатии, психопатии и морфопатии как генерализованные типы девиаций образуют субординированную цепочку, в которой иерархически высшие звенья и связанные с ними дисфункции (культура и культурные смыслы) влияют на социальную систему и ее институты, создавая предпосылки для различных социопатий. В свою очередь, социопатии (дисфункции социальной системы и ее отдельных институциональных кластеров) охватывают значительные социальные группы и формируют социоэтиологические предпосылки для психопатий разнообразного происхождения. При этом связь социопатий и психопатий в нашем исследовании подлежит обоснованию в дальнейших публикациях. Низовым уровнем девиантного поведения являются телесные девиации, «управляемые», в свою очередь, цепочкой настроенных над ними культуропатий, социопатий и психопатий. При этом условный «низ низа» телесных девиаций формируется различными заболеваниями, статистика которых может соотноситься с нарушениями в системе смыслообразования, институциопатиями, психическими отклонениями и разрушительными телесными практиками.

Список использованной литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольская. Москва, 2004. 371 с.
2. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва, 1993. 336 с.
3. Гишинский Я.И., Афанасьев В.С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. Санкт-Петербург, 1993. 167 с.
4. Донченко Е.А. Социетальная психика : монография. Киев : Наукова думка, 1994. 206 с.
5. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва, 1995. 352 с.
6. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. Москва : Практис, 2001. 256 с.

7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 648 с.
8. Луман Н. Общество общества. К в. 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. Москва : Издательство «Логос», 2011. 640 с .
9. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е.Н. Егоровой. Москва : АСТ Хранитель, 2006. 873 с.
10. Парсонс Т. Социальные системы. *Личность. Культура. Общество*, 2003. Т. 5. Вып. 1-2. С. 169–203. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2008/parsons.pdf>
11. Эйзенштадт Ш.Н. Срывы модернизации. *Неприкосновенный запас*, 2010. Вип. 74(6). С. 42–67. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/sryvy-modernizaczii.html>
12. Этническая идентичность: социосистемологическое измерение геополитики : монография / Романенко Ю.В. и др. Киев : Меркьюри-Подолье, 2016. 369 с.
13. Eisenstadt S.N., Schluchter W. Paths to early Modernities A Comparative View. In A.A. Fisun, *Democracy, neopatrimonialism and global transformations*, 2006. PP. 261–282.

Романенко Ю. В. Культуропатії та соціопатії в Україні: розвиток теоретичної соціології девіацій у межах культурної та соціальної системології (частина 2)

Представлена в статті типологія девіацій розроблена на основі структурного функціоналізму Т. Парсонса і неофункціоналістських теорій Н. Лумана і Ш. Ейзенштадта. Встановлено, що в структурному функціоналізмі і неофункціоналізмі при всіх відмінностях їхніх теоретичних диспозицій представлений набір концептуальних констант, що дають змогу вибудовувати теорію девіацій. Зазначено, що теорія девіацій структурно-функціоналістського та неофункціоналістського типу (крім теорій, розглянутих у першій частині статті з аналогічною назвою) може бути вибудована з урахуванням відмінностей процесів пов'язаності міжкультурної, соціальної, психічної і тілесної системами на основі визнання аутопоїтичного субординованого центрування, вертикалізування, ординалізування й уречевлення/реїфіцирування.

При цьому констатовано, що означені процеси виступають рекурсією культури, суспільства, психіки і тіла, які формують замкнене комунікативне середовище на основі наскрізної (тоталогічної) комплексності.

У статті проаналізовано культуропатії, соціопатії, психопатії та морфопатії як генералізовані типи девіацій, що утворюють субординований ланцюжок, в якому ієрархічно вищі ланки і пов'язані з ними дисфункції (культура і культурні смисли) впливають на соціальну систему і її інститути, створюючи передумови для різних соціопатій. Зазначено, що соціопатії (дисфункції соціальної системи та її окремих інституційних кластерів) охоплюють значні соціальні групи і формують соціоетіологічні передумови для психопатій різноманітного походження. Констатовано, що зв'язок соціопатій і психопатій у дослідженні підлягає обґрунтуванню в подальших публікаціях. При цьому сфокусовано увагу на тому, що низовим рівнем девіантної поведінки є тілесні девіації, «керовані» своєю чергою ланцюжком надбудованих над ними культуропатій, соціопатій і психопатій.

Визначено, що умовний «низ низу» тілесних девіацій формується різними захворюваннями, статистика яких може співвідноситися з порушеннями в системі змістоутворення, інституціопатіями, психічними відхиленнями і руйнівними тілесними практиками.

Ключові слова: девіації, девіантна поведінка, культура, соціум, психіка, тіло, культурупатії, соціопатії, психопатії.

Romanenko Yu. V. Culturopathies and sociopathies in Ukraine: development of theoretical sociology of deviations within the cultural and social system (part 2)

The typology of deviations presented in the article is developed on the basis of the structural functionalism of T. Parsons and the neofunctionalist theories of N. Luhmann and S. Eisenstadt. It is established that in structural functionalism and neofunctionalism, with all the differences in their theoretical dispositions, a set of conceptual constants is presented that allow building a theory of deviations.

It is noted that the theory of deviations of the structural-functionalist and neofunctionalist type (except for the theories considered in the first part of the article with the same name) can be built taking into account the differences in the processes of conjugation between cultural, social, mental and bodily systems on the basis of recognizing the autopoietic subordination of centering, verticalization, ordinalization and reification / reification. At the same time, it was stated that the indicated processes act as recursions of culture, society, psyche and body, which form a closed communicative environment on the basis of end-to-end (totallogical) complexity.

The article analyzes culturopathies, sociopathies, psychopathy and morphopathies as generalized types of deviations that form a subordinated chain in which hierarchically higher levels and associated dysfunctions (culture and cultural meanings) affect the social system and its institutions, creating preconditions for various sociopathies. It is noted that sociopathies (dysfunctions of the social system and its individual institutional clusters) cover significant social groups and form socio-etiological prerequisites for psychopathies of various origins. It was stated that the connection between sociopathies and psychopathies in the study should be substantiated in further publications. At the same time, attention is focused on the fact that the lower level of deviant behavior is bodily deviations, "controlled", in turn, by a chain of culture-pathies, sociopathies and psychopathies built over them. It has been determined that the conditional "bottom of the bottom" of bodily deviations is formed by various diseases, the statistics of which can correlate with disorders in the system of meaning formation, institutiopathies, mental deviations and destructive bodily practices.

Key words: deviation, deviant behavior, culture, society, psyche, body, culturopathy, sociopathy, psychopathy.